

В тех случаях, когда указ сохранился во многих списках, он позволяет в основу издания каждого указа положить лучший список, приведя остальные в вариантах. Этот принцип дает возможность проследить законодательную деятельность государства в последовательности, со всеми присущими ей колебаниями, а также сопоставить одновременные законы по различным вопросам, определить основную направленность законодательной деятельности в отдельные периоды и установить, какие вопросы вызывали наибольшее внимание правительства в разные моменты.

Опубликовав подобный свод указов, мы сможем дать представление о законодательстве с середины XVI до середины XVII в. в целом, дать общий законодательный свод того времени.

Е. Н. НОСОВ

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ БАЛТИЙСКО-ВОЛЖСКОГО ПУТИ КОНЦА VIII—X в.

Нумизматические материалы — важнейший источник сведений о торговых путях Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. С одной стороны, это объясняется крайней ограниченностью и отрывочностью письменных свидетельств о средневековой торговле, с другой — тем, что именно серебро, поступавшее в виде огромного количества монет, было основным предметом импорта в конце I тыс. н. э. Топография древних кладов наряду с учетом находок отдельных монет позволяет проследить направления торговых путей, выявить расположенные на них основные экономические центры, а также определить районы, наиболее затронутые торговлей.

В конце I тыс. н. э. торговля со странами Исламского Востока была единственным источником поступления серебра в Восточную Европу.¹ Часть серебра оседала здесь, другая же транзитными

¹ К середине 50-х годов XX в. на территории Восточной Европы было зафиксировано 176 кладов и несколько сотен отдельных куфических монет (Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, с. 12, 86 (рис. 5), 102 (рис. 17), 120 (рис. 24), 131 (рис. 31). Ср. также: Потин В. М. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX—XII вв.). — В кн.: Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. Л., 1970, с. 65, прим. 1). К сожалению, до настоящего времени не составлена современная топография находок арабских дирхемов в Восточной Европе, а поэтому основными пособиями при изучении распространения куфической монеты все еще является уже устаревшая топография 1910 г. А. К. Маркова, своды 1926 и 1929 гг. Р. Р. Фасмера, упомянутая выше работа В. Л. Янина, а также отдельные публикации кладов и частичные своды находок монет (Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910; Фасмер Р. Р. 1) Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики

водными путями попадала в страны Северо-Западной Европы. Становление торговых связей со странами Халифата началось в 70—80-х годах VIII в. и было обусловлено прежде всего потребностью «населения Восточной Европы в серебряной монете и серебряном сырье и арабских купцов — в предметах славянских промыслов». Частичный же транзит серебра в Западную Европу, осуществлявшийся волжским путем, являлся уже производным от этой основной причины.²

Территория складывающейся Новгородской земли в силу своего выгодного географического положения — в районе, где сходились широкие водные системы притоков Ильменя и Ладоги, — оказалась втянутой в балтийско-волжскую торговлю с самого начала ее становления. «Край сам по себе бедный, — отмечал А. А. Спицын, — но он лежит между востоком и западом и потому при усилении востока приобрел большое значение, как неизбежный посредник в торговле».³

В работах по исторической географии уже в дореволюционный период на основании привлечения сведений разновременных письменных источников и изучения карт исследователями были определены четыре наиболее вероятных варианта перехода водными путями из бассейна Верхней Волги в бассейн р. Невы.⁴ Эти варианты подробно рассмотрены Н. П. Загоскиным в его обобщающей работе по истории русских водных путей IX—XVII вв.⁵ Из них два маршрута соединяли Верхнюю Волгу через реки юго-восточного Приладожья непосредственно с Ладожским озером. Первый путь проходил по рекам Сясь, Тихвинка и Редань с последующим переходом волоком протяженностью 21—27 км на р. Чагоду и далее по рекам Чагодоце и Мологе на Волгу.⁶ Второй путь,

и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920—1925 гг. — Сообщ. ГАИМК, т. I. Л., 1926; 2) Список монетных находок (II). — Там же, т. II. Л., 1929; Кропоткин В. В. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII—первой половине IX в. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 72—79 и др.).

² Янин В. Л. Денежно-весовые системы..., с. 84, 90, 103. На протяжении всего периода поступления арабского серебра в Восточную Европу, т. е. с конца VIII до начала XI в., основными воротами, через которые шла торговля Руси с Востоком, был Булгар. Отсюда часть монет уходила в Прикамье, часть — на юго-запад по окскому пути, а не менее обильный поток направлялся через низовья Оки, по Клязьме и Нерли на Верхнюю Волгу и далее в земли кривичей и новгородских словен, уходя частично в Западную Европу. (Там же, с. 104—106).

³ Спицын А. А. Русская историческая география. Пгр., 1917, с. 8.

⁴ Ходаковский З. Пути сообщения в древней России. — Русск. истор. сборник, ч. I, кн. I. М., 1837, с. 21, 22, 33; Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, с. 27, 28, 31; Мятлев Н. Игнач Крест и Селигерский путь. — Труды XV археол. съезда, т. I. М., 1914, с. 335—345; Середонин С. М. Историческая география. СПб., 1916, с. 223—231; Спицын А. А. Русская историческая география, с. 24, 25.

⁵ Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1910.

⁶ Там же, с. 144—148.

начинаясь в Ладожском озере, шел по р. Свири и южной части Онежского озера к устью р. Вытегры. Оз. Матко, исток Вытегры, было соединено волоком протяженностью около 21 км с оз. Ковжа и р. Ковжей, по которой путь проходил к Белому озеру и далее вниз по течению Шексны к Волге.⁷

Два пути, обычно характеризующиеся как магистрали, связывавшие Верхнюю Волгу прежде всего с самим Новгородом, а далее через Волхов с Ладожским озером, пересекали территорию новгородской земли по рекам, впадающим в оз. Ильмень.

Один путь начинался в устье р. Мсты, расположенном почти рядом с истоком Волхова, и проходил по Мсте, оз. Мстино и впадающей в него р. Цне к волоку, соединявшему Цну и Тверцу, левый приток Волги. Сложным препятствием на этом водном пути были опасные «Боровицкие пороги» на р. Мсте у дер. Потерпилицы, в районе г. Боровичи. Здесь в обход порогов в древности существовал волок (так называемый «держковский» или «нижний» волок новгородского периода).⁸

Другой путь на Волгу шел от истока Волхова через оз. Ильмень и далее по рекам, впадающим в Ильмень, прежде всего по р. Поле, причем «полоса суши» между верховьями этих рек и верховьями Волги и верхневолжскими озерами, как полагал Н. П. Загоскин, «в сущности представляет собою один обширный волок, сообщающий новорожденную и еще озерную Волгу с бассейном озера Ильменя». ⁹ Все же следует отметить, что среди нескольких возможных вариантов водных маршрутов, пересекавших эту область, наиболее короткой водной дорогой от Новгорода к Верхней Волге (при плавании по южным притокам Ильменя) был известный селигерский путь. Этот путь шел от Ильменя по р. Поле и затем по ее правому притоку — р. Явони, которая своими истоками и связанными с ними озерами — Истопиным, Стромиловым, Саминцовым, Долгим и Волоцким — подходит к северному берегу Селигера, отделяясь от него волоком протяженностью около 5 км. Оз. Селигер через р. Селижаровку связано уже непосредственно с Волгой.¹⁰

На основании изучения географических особенностей четырех рассмотренных вариантов водных путей между Ладожским озером и бассейном Волги Н. П. Загоскин пришел к выводу, что наиболее «выгодное направление» из них имел сясь-моложский путь. Особенно отчетливо прямизна этого пути проявляется при его сравнении с маршрутом через Свирь — Вытегру — Шексну.¹¹ Оба пути имеют по одному приблизительно равному по длине волоку, оба выходят на Волгу недалеко друг от друга (устье Шексны от-

⁷ Там же, с. 148—151.

⁸ Там же, с. 140—144.

⁹ Там же, с. 131, 132.

¹⁰ Ходаковский З. Пути сообщения..., с. 33; Барсов Н. П. Очерки..., с. 27, 28; Мятлев Н. Игнач Крест..., с. 335, 336.

¹¹ Загоскин Н. П. Русские водные пути..., с. 145, 148—151.

стоит от устья Мологи на 32 км), но если протяженность пути по Мологе с переходом на Сясь составляет 713 км, то расстояние от устья Шексны — через Вытегру и Свирь — до устья Сяси (т. е. до северного выхода сясь-моложского пути) равно 972 км. Таким образом, при движении караванов из Ладожского озера к Волге сясь-моложский путь является более удобным (гораздо более коротким и не более сложным), чем путь по Свири, Вытегре и Шексне. Сопоставляя сясь-моложский путь с западными путями к Волге (селигерским и мстинским), Н. П. Загоскин отдавал предпочтение маршруту по Сяси и Мологе, поскольку, по его мнению, западные пути длиннее и к тому же на Мсте имелось дополнительное сложное препятствие — «Боровицкие пороги».¹²

Характеризуя водные пути, проходившие через территорию складывающейся Новгородской земли, исследователи неоднократно отмечали, что маршруты к Волге по притокам оз. Ильмень являлись прежде всего «низовыми» путями самого Новгорода, в то время как основной путь транзитной балтийско-волжской торговли шел восточнее — либо по Сяси и Мологе, либо по Свири, Вытегре и Шексне. Исследователи обычно считали, что транзитный путь из Ладожского озера по Волхову, через оз. Ильмень и далее по Ловати и Поле представлял собою северную часть уже другого великого водного пути древности — пути «из варяг в греки». Развивая указанную точку зрения, И. П. Шаскольский писал, что северный отрезок пути «из варяг в греки» соединялся с северной оконечностью волжского пути в истоке р. Невы и дальше «через Неву оба крупнейших торговых пути Восточной Европы шли по одному и тому же направлению в Балтийское море».¹³ Следовательно, по мнению И. П. Шаскольского, к истоку Невы оба транзитных маршрута подходили раздельно. Таким образом, большинство исследователей полагают, что путь «из варяг в греки» шел по Волхову к оз. Ильмень, а волжский путь направлялся по двум маршрутам — по Сяси и Мологе либо по Свири—Вытегре—Шексне. Но если одни авторы считают, что основной путь к Волге начинался в устье Свири (И. П. Шаскольский, С. Н. Орлов и др.), то другие отдают предпочтение маршруту по Сяси (А. А. Спицын, Н. Н. Воронин, В. Б. Вилинбахов и др.).¹⁴

¹² Там же, с. 145.

¹³ Шаскольский И. П. Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX—XIII вв. — Географ. сборник, т. III, 1954, с. 146, 158—159.

¹⁴ Спицын А. А. Русская историческая география, с. 19, 24, 25; Любомиров П. Г. Торговые связи древней Руси с Востоком в VIII—XI вв. — Учен. зап. Саратов. гос. университета, т. I, вып. 3. Саратов, 1923, с. 33, 34; Воронин Н. Н. Средства и пути сообщения. — В кн.: История культуры Древней Руси, т. I. М.—Л., 1948, с. 303; Равдоникас В. И. Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.). — Сов. археология, 1949, XI, с. 7; Бернштейн-Коган С. В. Путь из варяг в греки. — Вопр. географии, 1950, вып. 20, с. 255, 256; Вилинбахов В. Б. Балтийско-волжский путь. — Сов. археология, 1963, № 3, с. 130, 131; Шаскольский И. П. Норманская теория в современной бур-

Наряду с изложенной выше и наиболее распространенной точкой зрения на вопрос о направлении транзитной балтийско-волжской торговли существует и несколько иной подход к решению данной проблемы. Еще С. М. Середонин, характеризуя проникновение варягов на территорию новгородских словен, отмечал, что путь через Неву и Ладожское озеро расходил к Волге и на юг не в Ладожском озере, а только в оз. Ильмень.¹⁵ О том, что «Новгород обладал совершенно исключительным узлом торговых путей (днепровский путь «из варяг в греки» и волжский путь в Каспийское море), сходящихся в оз. Ильмень у самого города, близ древнего капища Перуна», в 1948 г. писал Б. А. Рыбаков.¹⁶ В краткой форме коснувшись вопроса о маршрутах поступления восточного серебра в Западную Европу, В. Л. Янин в 1956 г. также заметил, что «единственной магистралью», по которой «могло осуществляться транзитное торговое движение, был волжский путь, переходивший затем в русло рек Волхова, Великой и Западной Двины».¹⁷ Выводы В. Л. Янина о путях распространения восточного серебра в 1969 г. повторил М. Б. Свердлов.¹⁸

Итак, в историко-археологической литературе существуют две точки зрения на вопрос о том, по каким рекам проходил главный путь от истока р. Невы на восток: по двум восточным волжским путям (Сясь—Молога и Свирь—Вытегра—Шексна) или по двум западным (Волхов — оз. Ильмень — Пола и Волхов — оз. Ильмень — Мста). Именно нумизматические находки, относящиеся к периоду широкого поступления серебра с Востока, т. е. к IX—70-м годам X в., позволяют более конкретно решить эту проблему.¹⁹

В бассейне оз. Ильмень и вдоль течения Волхова в настоящее время известно 8 кладов куфических монет конца VIII—IX в. и

жуазной науке. М.—Л., 1965, с. 140, 145, 151; Орлов С. Н. К вопросу топографии путей сообщения Новгорода Великого. — В кн.: Природа и хозяйственное использование озера Ильмень и ильмень-волховского бассейна. Л., 1970, с. 92—94; Кочкуркина С. И. Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973, с. 79; Голубева Л. А. Везь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973, с. 176—178.

¹⁵ Середонин С. М. Историческая география, с. 223—225.

¹⁶ Рыбаков Б. А. Торговля и торговые пути. — В кн.: История культуры Древней Руси, т. I. М.—Л., 1948, с. 346—349.

¹⁷ Янин В. Л. Денежно-весовые системы..., с. 103.

¹⁸ Свердлов М. Б. Транзитные пути в Восточной Европе IX—XI вв. — Изв. Всесоюз. географ. об-ва, 1969, т. 101, вып. 6, с. 541.

¹⁹ Во второй половине X в. ввоз арабского серебра в Восточную Европу стремительно идет на спад и почти совсем прекращается к концу столетия (Янин В. Л. Денежно-весовые системы..., с. 130). На смену ему приходит все усиливающийся приток серебра из Западной Европы. Куфические монеты, которые еще продолжают встречаться в кладах XI—XII вв., находятся уже совместно с западноевропейскими монетами. Эти клады попали в землю после прекращения поступления восточного серебра. Их распространение и состав отражают несколько иные закономерности, чем таковые кладов предшествующего периода, поэтому в данной работе они не рассматриваются.

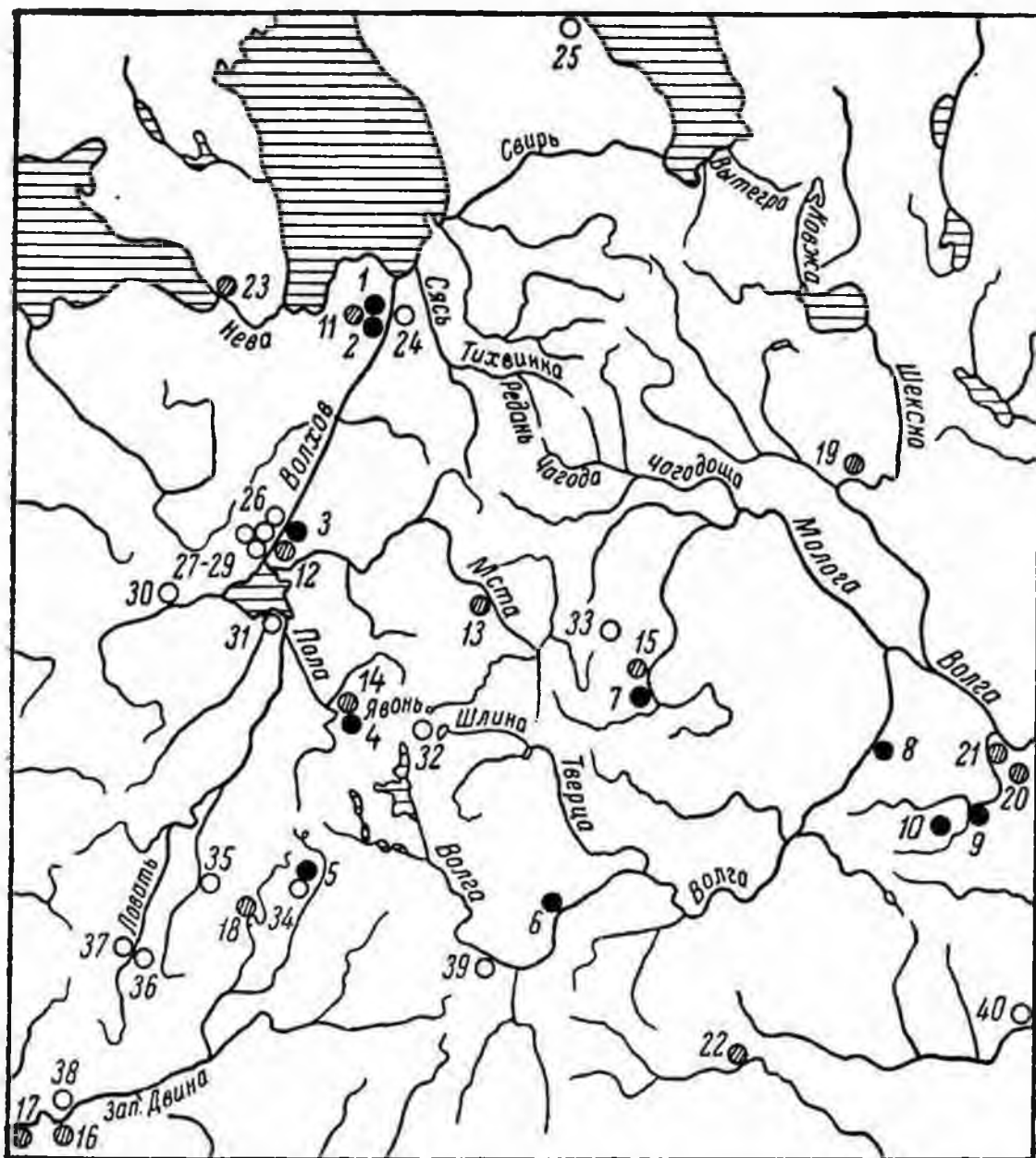
11 кладов X в.²⁰ (см. рисунок). Три клада VIII—IX вв. происходят из Старой Ладogi. Здесь на берегу Волхова в 1892 г. был найден один из древнейших русских кладов дирхемов (с младшей монетой 786 г.), состоявший из 28 целых и 3 обломков монет.²¹ У дер. Княжчино близ Ладogi обнаружен клад 808 г., собиравшийся частями вплоть до 1895 г. (в составе клада 3 серебряных слитка и около 300 монет).²² Третий клад (847 г.), состоявший из 5 целых и 18 обломков дирхемов, открыт в 1938 г. во время раскопок В. И. Равдоникаса на «Земляном городище» Ладogi.²³

²⁰ Периодизация кладов куфических монет, принятая в советской нумизматике, была разработана Р. Р. Фасмером на основании династической принадлежности и места чеканки дирхемов. Р. Р. Фасмер разделил все клады монет, найденные в Восточной Европе, на четыре хронологические группы: 1 — конец VIII в.—833 г.; 2 — 834—900 гг.; 3 — 901—960 гг.; 4 — 961—1014 гг. (Фасмер Р. Р. Об издании поной топографии находок куфических монет в Восточной Европе. — Изв. АН СССР, отдел обществ. наук, 1933, № 6—7, с. 473—484). В дальнейшем эта периодизация была развита В. Л. Яниным, который провел анализ кладов арабских монет в Восточной Европе также по четырем группам: 1 — конец VIII в.—833 г.; 2 — 834—900 гг.; 3 — 900—938 гг.; 4 — 939 г.—конец X в. (Янин В. Л. Денежно-весовые системы..., с. 79—140).

²¹ Марков А. К. Топография..., с. 140, № 24; В. Л. Янин в 1956 г. отмечал, что «небольшой, но сохранившийся целиком» ладожский клад 786 г. является древнейшим русским кладом куфических монет (Янин В. Л. Денежно-весовые системы..., с. 81). В настоящее время есть сведения, что в 1945 г. в Калининграде был найден клад с младшей монетой 745/6 г. К сожалению, клад разошелся по рукам, и было определено лишь 9 из 150 дирхемов, поэтому клад, возможно, относится к более позднему времени. (Кропоткин В. В. 1) Новые материалы..., с. 76, прим. 16; 2) Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н. э. М., 1967, с. 119).

²² Марков А. К. Топография..., с. 32, 33, № 179—181, с. 140, № 26; Фасмер Р. Р. Завалишенский клад куфических монет VIII—IX вв. — Изв. ГАИМК, 1931, т. VII, вып. 2, с. 19, № 56. Предположение о том, что находки сасанидских и куфических монет близ дер. Княжчино в 1874, 1875 и 1884 гг. относятся к одному кладу, было высказано в 1956 г. В. Л. Яниным (Денежно-весовые системы..., с. 74, 90, прим. 2). В 1961 г., уточняя датировку нижних горизонтов поселения Старой Ладogi, Г. Ф. Корзухина писала о двух ранних кладах арабских монет у дер. Княжчино — 804 и 808 гг. (Корзухина Г. Ф. О времени появления укрепленного поселения в Ладoge. — Сов. археология, 1961, № 3, с. 83). Впоследствии Г. Ф. Корзухина согласилась с предположением В. Л. Янина о том, что у дер. Княжчино был найден лишь один клад (Корзухина Г. Ф. О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладogi. — Скандинавский сборник, вып. XVI. Таллин, 1971, с. 125).

²³ В своде Е. А. Пахомова, со ссылкой на определение А. А. Быкова, указано, что самая поздняя монета клада относится к 847 г. (Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. IV. Баку, 1949, с. 93, № 1302). В отчетах Староладожской экспедиции за 1938 и 1948 гг. и в публикационной статье Г. П. Гроздилова, также со ссылкой на определение А. А. Быкова, дана уже иная, чем у Е. А. Пахомова, датировка клада по младшей монете — 860 г. Кстати, расходятся и определения наиболее ранних монет клада: в своде Е. А. Пахомова — 761 г., в указанных отчетах и статье — 762 г. (Гроздилов Г. П. 1) Отчет о работе Староладожской экспедиции института Лен. гос. университета за 1938 г. (черновой вариант). — Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, д. № 235, 1938 г., л. 25 об.; 2) Отчет о раскопках

● — конец VIII в. — 833 г.; ⊕ — 833—900 гг.; ○ — 900—970-е годы

Клады куфических монет конца VIII—70-х годов X в.

1 — Старая Ладога; 2 — Княжчино; 3 — Вылеги; 4 — Демянск; 5 — Набатово; 6 — Семенов Городок; 7 — Загородье; 8 — Углич; 9 — Угодичи; 10 — Сарское городище; 11 — Старая Ладога; 12 — Новгород (Кириллов монастырь); 13 — Потерпилицы; 14 — Шумилово; 15 — Кузнецкое; 16 — Лучесы; 17 — Витебская губерния; 18 — оз. Зеликовье; 19 — Панкино; 20, 21 — Тимерсво; 22 — Москва; 23 — С.-Петербург; 24 — Старая Ладога; 25 — Петрозаводск; 26 — Новая Мельница; 27—29 — Новгород; 30 — Любыни; 31 — Подборовка; 32 — оз. Шлино; 33 — Иловец; 34 — Пальцево; 35 — Торопецкий уезд, р. Кунья; 36 — Великолукский уезд; 37 — Великие Луки; 38 — Витебск; 39 — Ржев; 40 — Владимир.

Помимо кладов, в Старой Ладоге и ее ближайших окрестностях как случайно, так и во время археологических раскопок были най-

в Старой Ладоге в 1948 г. — Там же, д. № 83, 1948 г., л. 34; 3) Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. — Сов. археология, 1950, XIV, с. 166). В результате возникшей путаницы одни исследователи датировали клад вслед за Е. А. Пахомовым 847 г. (см.: Янин В. Л. Денежно-весовые системы..., с. 75, 101), другие вслед за Г. П. Гроздиловым — 860 г. (см.: Корзухина Г. Ф. О времени появления..., с. 82). Нам известны три идентичных списка дирхемов клада 1938 г., где дано определение каждой из 23 найден-

дены отдельные арабские дирхемы VIII—IX вв.,²⁴ древнейший из которых, встреченный в нижней части культурного слоя поселения, был чеканен в 699/700 г. н. э.²⁵ Все эти нумизматические данные свидетельствуют о вовлечении Ладоги в сферу восточной торговли практически с самого начала проникновения серебряной арабской монеты в Восточную Европу и становления балтийско-волжского транзитного пути.

Два клада IX в. известны близ Новгорода. Один из них — 807 г. — найден в 1882 г. в дер. Вылеги. Из состава клада в Археологическую комиссию было переслано 7 монет.²⁶ Второй клад, состоявший из 203 дирхемов, находившихся в горшке, найден в 1920 г. у Кирилловского монастыря. Младшие 4 монеты клада относятся к 864 г.²⁷ На р. Явони также найдены два клада

ных монет: два списка имеются в полевых дневниках Г. П. Гроздилова за 1938 г., один — в черновике отчета Г. П. Гроздилова за тот же год. Во всех трех списках указана дата старшей монеты клада — 760/61 г., младшей — 846/47 г. (Архив ЛОИА АН СССР: дневники — ф. 35, оп. 1, д. № 228, 1938 г. Тетрадь 1, л. 75; ф. 35, оп. 1, д. № 229, 1938 г. Тетрадь 5, л. 75; отчет — ф. 35, оп. 1, д. № 235, л. 25 об., 26). Таким образом, клад следует датировать 847 г., что соответствует данным свода Е. А. Пахомова. Касаясь причин возникшего расхождения в датировке клада, необходимо отметить, что это расхождение появилось уже в черновике отчета Г. П. Гроздилова за 1938 г. Так, на л. 25 об. и 26 Г. П. Гроздилов пишет о находке «рассыпанного кладика куфических аббасидских монет, чеканенных, по определению Гос. Эрмитажа, между 762 г.—860 г.», и тут же, раскрывая состав клада по отдельным дирхемам, старшую монету относит к 761 г., младшую — к 847 г.

²⁴ Марков А. К. Топография..., с. 32, № 178; с. 33, № 187; Фасмер Р. Р. Список монетных находок..., т. I, с. 291, № 35, 38; Гроздилов Г. П., Третьяков П. Н. Описание находок из раскопок в Старой Ладоге, произведенных Н. И. Репниковым в 1909—1913 гг. — В кн.: Старая Ладога. Л., 1948, с. 88, 102; Опись находок из раскопок Старой Ладоги в 1957 г. — Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, д. № 10, 1957, шифр ЛДГ-875; Равдоникас В. И. Отчет Староладожской археологической экспедиции за 1959 г. — Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, д. № 45, 1959 г., л. 3.

²⁵ Равдоникас В. И. Предварительный отчет о раскопках в Старой Ладоге в 1950 г. — Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, д. № 41, 1950 г., л. 19. В 1974—1975 гг. во время возобновившихся раскопок на «Земляном городище» Ладоги в ее нижних горизонтах было найдено еще несколько ранних арабских монет (см.: Ювелир из Старой Ладоги. — Ленинградская правда, 1975, 24 X). Число дирхемов VIII—IX вв., встреченных во время раскопок В. И. Равдоникаса в Ладоге, видимо, больше, чем число монет, о которых мы можем достоверно говорить сейчас. Дело в том, что многие монеты из раскопок 1938—1940 гг. в свое время не были определены, а впоследствии оказались утерянными или депаспортизованными. Судя по полевому дневнику, только в 1939 г. было найдено 8 дирхемов, дата чеканки которых неизвестна (Равдоникас В. И. Дневник Староладожской экспедиции 1939 г. (Копия. Составлена Г. Ф. Корзухиной). — Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, д. № 172, 1939, л. 23, 28, 39, 57, 59, 61). В публикациях о раскопках 1938—1940 гг. В. И. Равдоникас обычно давал общую дату монет — VIII—X вв. (Равдоникас В. И. Старая Ладога. — КСИИМК, 1945, вып. XI, с. 38 и др.).

²⁶ Марков А. К. Топография..., с. 28, № 152.

²⁷ Фасмер Р. Р. Клад куфических монет, найденный в Новгороде в 1920 г. — Изв. РАИМК, 1925, т. IV, с. 242—276.

IX в.: в 1833 г. — близ г. Демянска клад 825 г., состоявший из 10 целых и 25 обломков дирхемов,²⁸ в 1927 г. — значительный клад 871 г. (1329 целых монет и их обломков) у хут. Шумилова.²⁹ В 1935 г. клад 866 г., состоявший из 60 дирхемов, обнаружен у дер. Потерпилицы на р. Мсте.³⁰ Интересно отметить, что именно здесь и начинаются «Боровицкие пороги».

Наряду с кладами арабских монет VIII—IX вв. в бассейне оз. Ильмень и по течению Волхова обнаружены отдельные дирхемы этого времени. Помимо уже отмеченных нами монет из горизонтов VIII—IX вв. древнего ладожского поселения и его ближайшей округи, они найдены в слоях IX в. поселения Новые Дубовики, расположенного перед волховскими порогами (дирхем 746/7 г.),³¹ селища Золотое Колено в среднем течении Мсты (две монеты VIII в., одна из которых 790/1 г. и четвертинка дирхема первой половины IX в.),³² и городища Княжая Гора на Явони (дирхем VIII в.).³³ По данным Р. Р. Фасмера, 2 арабские монеты (779/80 или 789/90 г. и 814/5 г.) были приобретены Н. П. Лихачевым в Новгороде,³⁴ а одна монета (845/6 г.) найдена в с. Черном, в 30 км от Новгорода.³⁵ В каталоге А. К. Маркова имеются также сведения о трех дирхемах (781, 785 и 808 гг.), найденных в Новгородской губернии, и сасанидской серебряной монете 622 г., обнаруженной на берегу Мсты.³⁶

Клады куфических монет IX в. известны и в районах, прилегающих к ильменскому бассейну. В верховьях р. Мологи найдены два клада: небольшой клад у дер. Загородье (831 г.)³⁷ и клад у дер. Кузнецкое (870-е годы).³⁸ На Верхней Волге клад с младшей монетой 810 г. обнаружен у с. Семенов Городок, в 8 км от г. Старицы,³⁹ а в 1879 г. близ Углича открыт клад 829 г., состоявший из 5 серебряных слитков, 205 целых и 909 обломков монет.⁴⁰

²⁸ Марков А. К. Топография..., с. 28, № 154.

²⁹ Пахомов Е. А. Монетные клады, с. 94, № 1305.

³⁰ Там же, с. 93—94, № 1304.

³¹ Носов Е. Н. Поселение у волховских порогов. — КСИА, 1976, вып. 146, с. 94—99.

³² Носов Е. Н., Конечкий В. Я. Разведки на Средней Мсте и раскопки поселения Золотое Колено. — В кн.: Археологические открытия 1974 г. М., 1975, с. 29.

³³ Орлов С. Н. Отчет об археологических исследованиях отряда Новгородской архитектурно-археологической экспедиции ЛОИА АН СССР за 1969 г. — Архив Института археологии АН СССР, Р-1, д. № 4277, л. 13.

³⁴ Фасмер Р. Р. Список монетных находок..., т. I, с. 290, № 26, 27.

³⁵ Там же, с. 291, № 31.

³⁶ Марков А. К. Топография..., с. 28, № 153.

³⁷ Там же, с. 47, № 267; с. 141, № 31; Фасмер Р. Р. Список монетных находок..., т. I, с. 290, № 20.

³⁸ Пахомов Е. А. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа, вып. II. Баку, 1940, № 611.

³⁹ Марков А. К. Топография..., с. 46, № 263 и 265. В. Л. Янин заметил, что упомянутая в своде А. К. Маркова, позже поступившая сасанидская монета 974 г. не может принадлежать данному кладу (Янин В. Л. Денежно-весовые системы..., с. 90, прим. 2).

⁴⁰ Марков А. К. Топография..., с. 54—55, № 314.

В среднем течении Шексны в Череповецком уезде у дер. Панкино в 1833 г. найден клад из 26 дирхемов, датируемый 863 г.⁴¹ Два клада происходят из района г. Ростова. Один из них 813 г., состоявший из 2 серебряных браслетов и 148 целых и обломков дирхемов, обнаружен в 1913 г. в с. Угодичи,⁴² другой, включавший 57 монет, зафиксирован в 1854 г. при раскопках П. С. Савельева на Сарском городище (дата клада — 820-е годы).⁴³ В 1973—1974 гг. близ Ярославля, в культурном слое древнего поселения, расположенного на правом берегу р. Сечки (притоке р. Которосли), И. В. Дубов открыл огромный клад 865 г., состоявший из 2618 монет.⁴⁴ Еще один клад IX в. из 1503 дирхемов происходит с противоположного берега р. Сечки.⁴⁵ В 1960 г. на оз. Зеликовье около г. Торопца при строительстве дороги было найдено 67 дирхемов (число монет, входивших в состав клада, видимо, было больше). Из 55 монет, определенных А. А. Быковым, младшая относится к 867 г.⁴⁶ На рассмотренной территории известны еще 4 клада куфических дирхемов, которые, возможно, также относятся к IX в., но из состава которых было датировано лишь по 1—2 монете (Петербург — в 1797 г. в Галерной гавани на Васильевском острове был вырыт сосуд с монетами, один определенный дирхем относится к 780 г.;⁴⁷ Москва — в 1837—1838 гг. на берегу р. Москвы, на территории Алексеевского монастыря, обнаружено несколько куфических монет, из двух датированных монет младшая относится к 866 г.;⁴⁸ дер. Набатово Торопецкого уезда —

⁴¹ Там же, с. 28, № 155.

⁴² Фасмер Р. Р. Два клада куфических монет. — Труды Нумизмат. комиссии ГАИМК, 1927, вып. VI.

⁴³ Марков А. К. Топография..., с. 54, № 313. А. К. Марков датировал клад 854 г. В. Л. Янин отнес его к 820-м годам, поскольку, как он справедливо отметил, А. К. Марков включил в состав клада дирхем, найденный вне клада (Янин В. Л. Денежно-весовые системы..., с. 90, прим. 2. См. также: Эдинг Д. Сарское городище. 1928, с. 13). А. Е. Леонтьев в 1975 г. писал, что в коллекции Сарского городища есть не один, а «два монетных клада нач. IX в.» (Леонтьев А. Е. Сарское городище в истории Ростовской земли (VIII—XI вв.). Автореф. канд. дисс. М., 1975, с. 14).

⁴⁴ Добровольский И. Г., Дубов И. В. Комплекс памятников у деревни Большое Тимерево под Ярославлем (по археологическим и нумизматическим данным). — Вестн. ЛГУ, 1975, № 2, с. 66—70.

⁴⁵ Там же, с. 66, прим. 8.

⁴⁶ Характер и датировка клада на берегу оз. Зеликовье, к сожалению, остаются до конца не ясными. После находки 67 монет и бронзового блюда в куче песка, привезенного на строительство дороги, сотрудник Торопецкого музея в карьере, откуда брали песок, обнаружил, кроме того, железный стержень с двумя бусинами на одном из концов и скандинавскую фибулу, как отметила Г. Ф. Корзухина, «зрелого X в.». Неизвестно, принадлежат ли дирхемы и отдельные вещи, собранные в карьере, одному кладу. Во всяком случае между датировкой младшей монеты из 55 определенных дирхемов и временем бытования фибулы имеется значительный хронологический разрыв (Корзухина Г. Ф. Новые находки скандинавских вещей близ Торопца. — Скандинавский сборник, т. VIII. Таллин, 1964, с. 306—312).

⁴⁷ Марков А. К. Топография..., с. 30, № 171.

⁴⁸ Там же, с. 27, № 145.

младшая из двух монет, известных из состава клада 1926 г., относится к 816 г.;⁴⁹ дер. Лучесы около г. Витебска — одна определенная монета клада относится к 862 г.⁵⁰). А. К. Марков отмечал также клад с младшей монетой 852 г. у дер. Ахремцы под Полоцком⁵¹ и большой клад, найденный в Витебской губернии, из которого был определен лишь один дирхем 745 г.⁵² В 1930-х — начале 1960-х годов южнее и западнее Витебска были открыты еще 4 клада куфических монет второй половины IX в. (Добрино — 841 г., Симоны — 846 г., Поречье — 854 г., Соболево — 857 г.).⁵³

Приведенная топография кладов куфических монет конца VIII—IX в. показывает, что на рассмотренной территории общее распространение восточного серебра проходило по двум направлениям: верховья Волги и Мологи—бассейн Ильменя—Волхов и верховья Волги—верховья и среднее течение Западной Двины. Тот факт, что, за исключением клада у дер. Набатово в самых верховьях Западной Двины, из которого были датированы лишь две монеты, кладов с конца VIII до 833 г. (т. е. первого периода, по Р. Р. Фасмеру и В. Л. Янину) по течению Западной Двины пока неизвестно, позволяет присоединиться к уже высказанному в литературе предположению о том, что путь движения восточного серебра с Верхней Волги к Балтийскому морю по Западной Двине, возможно, сложился лишь во второй половине IX в.⁵⁴

По течению Волхова и в бассейне Ильменя открыто 11 кладов куфических монет X в., из них один клад найден в 1940 г. при раскопках в Старой Ладого.⁵⁵ Три клада обнаружены в Новгороде,⁵⁶ а один — в его ближайших окрестностях (Новая Мельница).⁵⁷ Кроме того, клады найдены также на р. Шелони (Лю-

⁴⁹ Фасмер Р. Р. Список монетных находок..., т. II, с. 292, № 41.

⁵⁰ Марков А. К. Топография..., с. 2, № 8.

⁵¹ Там же, с. 3, № 12.

⁵² Там же, с. 2, 3, № 9.

⁵³ Кузнецов К. В. Соболевский клад. — Изв. АН БССР, 1949, № 6, с. 155—157; Рябцевич В. Н. Два монетно-вещевых клада IX в. из Витебской области. — В кн.: Нумизматика и эпиграфика, т. V. 1965, с. 121—123; Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966, с. 83—89.

⁵⁴ Свердлов М. Б. Транзитные пути..., с. 542.

⁵⁵ Клад 1940 г. был обнаружен при раскопках В. И. Равдоникаса на «Земляном городище» Ладого. В нашем распоряжении есть лишь очень скудные сведения о составе клада. В полевом дневнике 1940 г. отмечено, что «была сделана важная находка — кладик арабских монет, по-видимому аббасидских» (Равдоникас В. И. Дневник Староладожской экспедиции исторического факультета Лен. гос. университета 1940 г. (Копия. Составлена Г. Ф. Корзухиной). — Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, д. № 129, 1940 г., л. 63, 66). Упоминание о кладе есть также в одной из статей В. И. Равдоникаса, где сказано, что «ни одной монеты моложе X в.» в кладе не было (Равдоникас В. И. Старая Ладога, с. 40).

⁵⁶ Быков А. А. Клад серебряных куфических монет, найденный в Новгороде в 1903 г. — Изв. РАИМК, 1925, т. IV, с. 133—139; Янина С. А. 1) Неревский клад куфических монет X века. — МИА СССР, 1956, № 55, с. 180—207; 2) Второй неревский клад куфических монет X в. — МИА СССР, 1963, № 117, с. 287—331.

⁵⁷ Фасмер Р. Р. Список монетных находок..., т. II, с. 292, № 43.

быни),⁵⁸ в районе Старой Руссы (Подборовка),⁵⁹ в верховьях Ловати и Куньи.⁶⁰ Клады X в. известны и на территориях, смежных с рассматриваемой областью.⁶¹ Распространение кладов этого времени в целом совпадает с распространением кладов VIII—IX вв. Особо следует подчеркнуть увеличение числа кладов X в., найденных в Новгороде и его ближайших окрестностях. «Хронологические показатели этих кладов, — отмечала С. А. Янина, — дают возможность утверждать, что район истока Волхова с самого начала обращения на Руси восточного дирхема был значительным средоточием товарного обращения».⁶²

Таким образом, топография кладов восточных монет показывает, что на Верхней Волге монетный поток, шедший от Булгара, раздваивался: одна часть серебра уходила на Западную Двину, другая — на север. Движение восточного серебра с Верхней Волги к Ладогe осуществлялось по притокам Ильменя. Отчетливее всего прослеживается путь, совпадающий с маршрутом известного селигерского пути более позднего времени: через оз. Селигер, по р. Явони, где найдены два клада монет IX в., далее по р. Поле, Ильменю и Волхову. На р. Явонь с Волги можно было попасть также и по рекам Тверце и Шлине и далее через озера Шлино и Велье. В 1829 г. на берегу оз. Шлино был найден бочонок с дирхемами X в. Нельзя исключать и пути по Мсте, хотя этот маршрут и несколько длиннее, чем по Явони и Поле, к тому же на нем имеется дополнительное препятствие — «Боровицкие пороги». В верховья Мсты с Волги добирались в основном по Тверце. Тот факт, что все три известных на Мологе клада восточных монет происходят из самых ее верховьев, гораздо выше впадения в нее Чагодоши, позволяет считать вполне вероятным предположение П. Г. Любомирова о возможности существования пути па Мсту по Мологе и ее верхним притокам.⁶³

С другой стороны, никаких нумизматических свидетельств о проникновении восточного серебра с Волги к Старой Ладогe по двум восточным волжским путям (Молога—Сясь и Шексна—Вытегра—Свирь) нет. За исключением одного клада на р. Шексне, в бассейне рек юго-восточного Приладожья, по Чагоде, Чагодоше, Свири, Вытегре, нижнему течению Мологи не найдено

⁵⁸ Сведения сотрудников исторического отдела Новгородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

⁵⁹ Янина В. Л. Денежно-весовые системы... с. 77.

⁶⁰ Марков А. К. Топография... с. 35—36, № 203; Фасмер Р. Р. Список монетных находок... т. I, с. 290, № 21, 23.

⁶¹ Марков А. К. Топография... с. 3, № 10; с. 6, № 29; с. 28, № 156; с. 29, № 158; с. 46, № 264; Урбан Ю. Н., Ивановская Н. И. Работа Калининского отряда Верхневолжской экспедиции. — В кн.: Археологические открытия 1969 года. М., 1970, с. 36.

⁶² Янина С. А. Неревский клад... с. 182.

⁶³ Любомиров П. Г. Торговые связи... с. 34.

кладов ни IX, ни X вв.⁶⁴ Отдельные куфические монеты, из которых мы подробно остановились на дирхемах VIII—IX вв., неоднократно находили как случайно, так и при раскопках на Волхове и в Приильменье, т. е. там, где известны и клады конца VIII—X в. В то же время в районах, через которые проходили два восточных волжских пути и где кладов арабских монет нет, встречено лишь 2 дирхема VIII—IX вв.,⁶⁵ а монеты X в., известные в Приладожье (42 экз., по подсчетам С. И. Кочкуркиной), найдены не вдоль предполагаемых рядом исследователей торговых путей на Восток, а главным образом в курганах нижнего течения р. Паши и частично р. Ояти.⁶⁶ К этому следует добавить, что при многолетних раскопках Белоозера — древнего исторического центра у истоков Шексны, расположенного, как полагали некоторые исследователи, на северном отрезке Великого волжского пути,⁶⁷ не найдено не только ни одного клада, но и ни одной восточной монеты. Это коренным образом отличает Белоозеро от таких раннесредневековых центров Восточной Европы, находившихся на важнейших торговых путях, как Ладога, Гнездово, Тимерево, в ближайших окрестностях которых обнаружено значительное число кладов и отдельных арабских монет.

Указанные различия, на которые в историко-археологической литературе обычно не обращали внимание, преобретают особое значение в связи с основными выводами недавно опубликованного исследования Л. А. Голубевой, подводящего итоги многолетнему археологическому изучению древнего Белоозера. Л. А. Голубева пришла к заключению, что древнейший поселок у истоков Шексны возник в первой половине X в. и уже в X в. его можно рассматривать как «поселение, базирующееся в основном на ремесле и торговле».⁶⁸ «Торговля, — пишет Л. А. Голубева, — имела огромное значение в развитии Белоозера. Само расположение поселка на северном отрезке Великого Волжского пути имело определяющее значение для роста поселения и его сложения в город-

⁶⁴ На реках Свирь и Паша известны лишь клады XI—XII вв. (всего 5), в которых наряду с западноевропейскими монетами найдены и арабские дирхемы. (Потин В. М. Топография находок западноевропейских монет X—XIII вв. на территории Древней Руси. — Труды Гос. Эрмитажа, 1967, т. IX, с. 146—149, № 218; с. 150—152, № 220; с. 152, № 221, 222; с. 153—155, № 228).

⁶⁵ В кургане у дер. Шахново найден дирхем VIII в., в кургане у дер. Подъелье — VIII—IX вв. (см.: Марков А. К. Топография..., с. 34, № 190; Кочкуркина С. И. Юго-восточное Приладожье..., с. 87, табл. III).

⁶⁶ Кочкуркина С. И. Юго-восточное Приладожье..., с. 50, 87, табл. III; автор отметил, что «в основном монеты имеют пробитые отверстия или снабжены бронзовыми ушками для подвешивания». См. также: Голубева Л. А. Весь и славяне..., с. 176, карта 6.

⁶⁷ Любомиров П. Г. Торговые связи..., с. 33; Голубева Л. А. Весь и славяне..., с. 82, 177.

⁶⁸ Голубева Л. А. Весь и славяне..., с. 81, 197.

ской ремесленно-торговый центр».⁶⁹ Нумизматические находки, как мы видим, не вяжутся с этими выводами.⁷⁰

Данные нумизматики показывают, что основной поток восточного серебра с Верхней Волги к устью Невы шел через оз. Ильмень, мимо Новгорода, по Волхову к Старой Ладогге, уходя оттуда через Неву в Балтийское море. Следовательно, основной путь с Востока и путь «из варяг в греки» впервые смыкались не в истоке Невы, но уже в Ильменском бассейне.

Следует отметить и еще один важный момент. В 1956 г. В. Л. Янин, оспаривая «тезис о транзитном характере торговли, как первопричине проникновения восточных монет на русские земли», который развивали ряд его предшественников (Н. П. Бауэр, Б. А. Романов), выдвинул положение, что куфическая монета «ввозилась в Русь в первую очередь в связи с ее собственными потребностями».⁷¹ В дальнейшем этот вывод был поддержан рядом исследователей. В частности, В. М. Потин в 1970 г. отмечал, что «нет сомнения, что основной причиной притока куфических монет в Восточную Европу были потребности внутренней торговли и ремесла».⁷² В ряде новейших работ, в частности в статьях В. В. Кропоткина и М. Б. Свердлова, заключение В. Л. Янина поставлено под сомнение. «Основная масса кладов куфических монет обнаружена за пределами славянского ареала в Восточной и Центральной Европе, — пишет В. В. Кропоткин, — и поэтому они ничего не дают для решения вопроса о времени зарождения денежного обращения у восточных славян и на Руси».⁷³ «Балтийско-волжский путь в конце VIII—IX в. на всем своем протяжении не выходил на славянскую территорию, — утверждает М. Б. Свердлов, — и говорить о его роли для славян, видимо, не приходится».⁷⁴

Согласиться с выводами В. В. Кропоткина и М. Б. Свердлова нельзя уже потому, что основной поток восточного серебра в северной части балтийско-волжского пути проходил в IX—X вв. через территории Приильменя, ильменского Поозерья и Поволховья — районы, которые как раз в то время являлись центром расселения новгородских словен. Многочисленные поселения, открытые здесь в последние годы, материалы их раскопок, наблю-

⁶⁹ Там же, с. 177.

⁷⁰ Необходимо, правда, уточнить, что, говоря об отсутствии данных о движении восточного серебра по рекам юго-восточного Приладожья и р. Свири в VIII—70-х годах X в. и показывая, что основное направление этого движения проходило через более западные районы, мы отнюдь не отрицаем вообще возможного существования путей между районом Белого озера и юго-восточным Приладожьем, как и возможных контактов по ним между населением этих областей. То же самое касается и контактов между населением Белоозера и Волжской Булгарией.

⁷¹ Янин В. Л. Денежно-весовые системы..., с. 88.

⁷² Потин В. М. Русско-скандинавские связи..., с. 66.

⁷³ Кропоткин В. В. Новые материалы..., с. 73, 74.

⁷⁴ Свердлов М. Б. Транзитные пути..., с. 542—543.

дения над характером нижних слоев Новгорода, Новгородского («Рюрикова») городища и Старой Ладogi позволяют говорить о славянской колонизации в Приильменье уже в VIII—IX вв. Можно отметить и зависимость типов поселений конца I тыс. н. э. от направления торговых маршрутов.

Но если основной путь с Верхней Волги к Ладожскому озеру проходил по притокам Ильменя и далее по Волхову, то и вопрос о возникновении и развитии древней Ладogi, как в первую очередь крупного предгородского торгово-транзитного центра на пути между Балтикой и странами Востока, становится более ясным. Действительно, уже давно является общим местом историко-археологических исследований положение, что древняя Ладoga с самого начала становления балтийско-волжского пути была вовлечена в сферу восточной торговли. Но всякий раз, рассматривая Ладogu как центр на этом пути и в то же время утверждая, что основной путь к Волге начинался в устье Свири или Сяси, исследователи приходили к противоречию. Получалось, что Ладoga, крупный центр на балтийско-волжском пути, располагаясь на Волхове в 12 км от Ладожского озера, оказывалась географически вне этого пути. Попытка же объяснения этого несоответствия, предпринятая В. Б. Вилинбаховым в специальной статье, посвященной рассмотрению пути из Балтики на Волгу, явно искусственна.⁷⁵

В. Б. Вилинбахов, как и П. П. Смирнов, предположил, что в конце I тыс. н. э. Ладожское озеро занимало гораздо большую площадь, чем сейчас, а поэтому Ладoga находилась по существу на его берегу.⁷⁶ В своих выводах П. П. Смирнов и В. Б. Вилинбахов опирались на исследование А. А. Иностранцева, написанное в конце прошлого века, который считал, что «было время, когда река Нева представляла собою довольно широкий пролив, достигающий местами от 8 до 20 верст», а общий уровень Ладожского озера был выше нынешнего на 15 м.⁷⁷

Вопрос о размерах Ладожского озера действительно тесно связан с вопросом происхождения р. Невы. До образования р. Невы Ладожское озеро представляло собой обособленный водоем, уровень которого был значительно выше, чем в Финском заливе. Продолжавшееся поднятие земной коры в северной части озера привело к трансгрессии в его южной части, затоплению берегов и, в частности, стоянок неолитического времени. Воды озера постепенно затопили всю долину р. Мги, впадавшей в него, и, прорвав

⁷⁵ Вилинбахов В. Б. 1) Балтийско-волжский путь. — Сов. археология, 1963, № 3, с. 126—135; 2) Существующие теории и проблема происхождения Старой Ладogi. Тезисы докл. научн. конф. по истор., яз. и литер. Скандинавских стран и Финляндии. Тарту, 1963, с. 18—20.

⁷⁶ Смирнов П. П. Волзький шлях і стародавні Руси. — Українська Акад. наук. Збірник істор.-філолог. відділу, 1928, № 75, с. 69; Вилинбахов В. Б. Балтийско-волжский путь, с. 130.

⁷⁷ Иностранцев А. А. Доисторический человек каменного века по бережья Ладожского озера. СПб., 1882, с. 239.

водораздел между Мгой и Тосной, впадавшей в Финский залив, образовали р. Неву. В месте прорыва остались Ивановские пороги. Образование р. Невы и ее глубинная эрозия привели к быстрому снижению уровня Ладожского озера и формированию рельефа в очертаниях, близких к современным. Обычно полагают, что прорыв водораздела рек Мги и Тосны произошел 4—4.5 тыс. лет назад, а окончательное сложение рельефа — 2.5 тыс. лет назад. В последние годы Д. Д. Квасов значительно омолодил датировки, придя к выводу, что р. Нева образовалась в интервале 2.3—1.2 тыс. лет назад.⁷⁸ Не вдаваясь в подробную аргументацию различных датировок, следует отметить, что в любом случае р. Нева и рельеф, близкий к современному, сформировались до возникновения ладожского поселения и сложения балтийско-волжского пути.

Таким образом, предположение П. П. Смирнова и В. Б. Вилинбахова о Ладоге как историческом центре на берегу озера не могут быть подтверждены. Ладога действительно находилась географически вне восточного пути, если встать на распространенную точку зрения о том, что этот путь шел по Ладожскому озеру и далее по рекам юго-восточного Приладожья. В то же время расположение Ладоги на берегу крупной реки, ведущей в глубь материка, вполне согласуется с наблюдением, сделанным на основании изучения топографии кладов куфических монет, о прохождении торгового пути на Восток по Волхову и далее по рекам, впадающим в оз. Ильмень.

И. Г. СПАССКИЙ

МОНЕТНОЕ И МОНЕТОВИДНОЕ ЗОЛОТО В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ПЕРВЫЕ ЗОЛОТЫЕ ИВАНА III

Больше ста лет в Эрмитаже хранится золотой Ивана III и его сына Ивана Молодого — подражание венгерскому дукату Матвея Корвина (1458—1490), с изображением на одной стороне св. Владислава с секирой и державой в руках, с четырехчастным гербом на другой и с русской легендой на обеих (см. таблицу, 1—2).¹

⁷⁸ Кузнецов С. С. Геологическое прошлое Ленинграда и его окрестностей. Л., 1955, с. 14—22; Нежиховский Р. А. Река Нева. Л., 1973, с. 22—24; Квасов Д. Д. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Автореф. докт. дисс. Вильнюс, 1974, с. 29, 30; Экман И. М., Лак Г. Ц., Лийва А. А. К истории Ладожской трансгрессии. — История озер в голоцене. IV Всесоюзн. симпозиум по истории озер. Тезисы докладов. Т. 3. Л., 1975, с. 38—45.

¹ Инв. № Аз 19, вес 3.39 г, проба 958°, диам. 24 мм, с отверстием.